

Я открыл глаза, вдыхая тонкий аромат кедра.

С легким звоном заскользил молочно-белый нефритовый крючок, приподнимая невесомый полог постели. Раздался чистый, точно серебряный колокольчик, девичий голос, обращенный к дверям:

— Его Высочество соизволил проснуться! Входите, прислуживайте!

В спальню вереницей потянулись слуги. Первая девушка поднесла к моему лицу изящную шкатулку из сандала. Стоило мне вдохнуть, как резкий, освежающий запах мяты проник в самую глубь сознания, прогоняя остатки дремоты.

Две другие служанки бережно, едва касаясь, помогли мне подняться. Они действовали настолько плавно и неспешно, что в голове даже не закружилось.

— А где матушка? — спросил я.

Стоявшие вокруг служанки дружно захихикали.

— Его Высочество опять изволит путать! — весело отозвалась та, что откинула полог. — Её Величество императрица, разумеется, у себя во дворце. Если Ваше Высочество соскучились, то после полудня можете нанести ей визит.

Её тонкие, изящные пальцы ловко сняли с меня ночные одежды. Меня начали облачать в парадный наряд, слой за слоем. Поверх тонкого шелка легла нежно-голубая парчовая мантия, расшитая облаками. На пояс повязали кушак, к которому подвесили узорчатую нефритовую подвеску — гладкую и теплую на ощупь.

Лицо мне промокнули теплым полотенцем, только что вынутым из ароматной воды и тщательно отжатым. Две служанки опустили передо мной на колени: одна слева, другая справа. Они принялись аккуратно вытирать мои ладони, мягко массируя пальцы и ладони. Стоило мне слегка отдернуть руку, как они тут же отпустили меня и принялись обувать в расшитые сапожки.

Старшая служанка поднесла мне чашу с водой и щепотку очищающей соли для чистки зубов. Набрав в рот воды, я случайно сглотнул соленый раствор. Противный, резкий вкус ударил в нос, заставив меня поморщиться. Девушка, будто предвидя это, тут же протянула мне кубок с теплой водой. Я жадно выпил его до капли.

Теплая влага скользнула по горлу, разливаясь по желудку приятным теплом, и моя блуждающая душа наконец вернулась в тело. Я вспомнил всё.

Меня зовут Чу И.

Я — третий принц династии Чу. Мой отец — великий император, а мать — императрица. Я её единственный сын, законный наследник по праву рождения.

И всё же наследным принцем назначили не меня.

А всё потому, что я дурачок.

В народе про таких, как я, говорят жалостливо: «не в своем уме». Рассказывают, что при рождении я не издал ни звука, не плакал и не кричал. Ходить научился лишь к трем годам, а заговорил и вовсе в пять. И моим первым словом было вовсе не «мама» или «папа». Я позвал «Чуньчунь» — свою личную служанку.

Вот только звали её не Чуньчунь, а Чуньли.

Услышав это после пяти лет томительного ожидания, матушка-императрица разрыдалась и долго не желала меня видеть. Отец-император лишь сокрушенно вздыхал. С тех пор слухи о том, что третий принц обделен умом, укоренились окончательно.

Я зажмурился от ударившего в окно яркого солнечного света и посмотрел на девушку, которая первой подошла к моей постели.

— Чуньли, — позвал я.

— Раба здесь, Ваше Высочество, — она лучезарно улыбнулась. — Ну вот, вы снова ожили.

Я искренне верю, что ночью, пока человек спит, его душа покидает тело и пускается в странствия. Чтобы вернуть её, нужно громко рассмеяться: злые духи, крадущие души, пугаются этого смеха, разжимают когти, и тогда дух успевает проскользнуть обратно. Именно поэтому я приказал служанкам каждое утро залиvistо смеяться у моей постели. Только так моя блуждающая душа возвращается на место, я оживаю и вспоминаю, кто я такой.

Стоило мне перешагнуть порог спальни, как двое слуг, застывших по обе стороны от двери, хором гаркнули:

— Доброго утра, Ваше Высочество!

Их зычные голоса окончательно прогнали остатки сна. В голове прояснилось, и я сразу же вспомнил о самом важном деле, которое ждало меня каждый день.

— Где бобовые пирожные? — спросил я.

— Всё давно готово, — один из слуг, Сяфэн, с поклоном вынес из-за спины изящную, искусно украшенную шкатулку для еды. — Раб приготовил их на рассвете. Проверьте, Ваше Высочество, и я тут же отнесу их в поместье главы Секретариата.

В кулинарном мастерстве Сяфэна я нисколько не сомневался, а потому лишь небрежно махнул рукой:

— Неси сразу.

Пирожные из бобов мунг — моя самая любимая еда. А глава Секретариата, Сюй Цинцзэ — мой самый любимый человек. А самое лучшее, что у тебя есть, всегда нужно отдавать тому, кого любишь сильнее всего.

Второй слуга, Дунцзы, недовольно проворчал:

— Ваше Высочество каждый божий день посылает ему эти сладости, а господин Сюй даже спасибо ни разу не сказал! При встрече и вовсе делает вид, будто вас не замечает. Да кем он себя возомнил? Вы — особа высочайшей крови! Даже если в детстве вы были дружны, это не дает ему права вести себя столь непочтительно!

Я сурово зыркнул на него.

Его слова граничили с дерзостью, но я не стал его наказывать, зная, что в мыслях у него нет зла. Дунцзы — человек, сотворенный из синего неба. Поэтому я ограничился лишь строгим взглядом.

К завтраку мне, как обычно, подали тарелку любимых бобовых пирожных и несколько блюд легкой, изысканной кухни. Пока я лениво ковырялся палочками в тарелке, вернувшийся из города Сяфэн начал заговорщически подмигивать мне.

Я тут же отложил палочки.

Сяфэн склонился к моему уху и прошептал:

— Ваше Высочество, не хотите ли отведать баоцзы из Паровой лавки семьи Ли?

Мои глаза радостно блеснули.

Паровые баоцзы из Паровой лавки семьи Ли славились тонким тестом, обилием мясной начинки и ароматным наваристым бульоном внутри. Это было мое второе самое любимое лакомство на свете. Вот только матушка-императрица строго-настрого запрещала мне покупать еду на улице. Она твердила, что за пределами дворца и княжеской усадьбы всё грязное, и от

уличной стряпни я непременно разболеюсь.

Заметив мои колебания, Сяфэн поспешил добавить:

— Раб нашел тайный лаз, ведущий за пределы поместья. Ни одна живая душа не узнает.

Я тут же поднялся из-за стола:

— Идем.

Вскоре мы оказались в самом дальнем углу заброшенного сада. Сяфэн опустился на корточки перед густыми зарослями и принялся усердно разгребать ветки. Раскидав солому и сухие листья, он явил моему взору узкий, едва ли в полметра высотой, лаз в стене.

— Ваше Высочество, — гордо, точно преподнес мне сокровище, объявил слуга, — раб целый месяц тайком копал эту лазейку. Можем идти!

Я насупился:

— Ты предлагаешь мне, принцу, лезть в собачью нору?

Дунцзы тоже недовольно покачал головой:

— Какое непотребство! Разве пристало Вашему Высочеству протискиваться сквозь собачий лаз?

— У всех четырех ворот усадьбы дежурят стражники, присланные Её Величеством, — возразил Сяфэн. — Если они прознают, что принц сбежал в город за баоцзы, вам точно несдобровать. Нас всех ждет суровый выговор.

Выговоров от матушки я не любил больше всего на свете.

"Ах, дитя мое, глупое ты мое дитя..."

Когда она сердилась и отчитывала меня, я начинал остро чувствовать, что действительно обделен умом. Обычно я забывал об этом — ведь Чунли, Сяфэн и Дунцзы никогда не называли меня дураком. Но матушка раз за разом напоминала мне о моем недуге. Она смотрела на меня с такой глубокой, безысходной тоской и тихо вздыхала эти слова.

Спустя четверть часа я уже сидел за грубым деревянным столом в Паровой лавке семьи Ли.

Сяфэн и Дунцзы тут же принялись хлопотать вокруг меня: достали чистые платки, стерли с моего лица пыль и паутину, выпросили у хозяина лавки кувшин с горячей водой и бережно, палец за пальцем, отмыли мои ладони. Растрепанные волосы заново зачесали и уложили. Измазанный в земле беглец вновь преобразился в благородного и утонченного Праздного князя.

Этот титул мне пожаловал отец-император. Он хотел, чтобы я всю жизнь оставался лишь богатым и беззаботным бездельником, не знающим никаких хлопот.

Вскоре перед нами поставили блюдо с испускающими густой пар, пышными баоцзы. Сяфэн серебряной ложкой аккуратно разламывал тесто, вычерпывал сочную мясную начинку и перекладывал её на фарфоровую тарелочку, которую затем пододвигал мне.

Я с превеликим удовольствием принялся уплетать нежное мясо, сочащееся бульоном, а Сяфэн и Дунцзы с не меньшим аппетитом доедали оставшееся тесто.

Наевшись досыта, я погладил живот и замер, безучастно разглядывая оживленную улицу за окном. Стоило мне плотно поесть, как сытость вытесняла мою душу наружу, и мне приходилось сидеть с глупым видом, дожидаясь, пока в желудке освободится немного места и дух вернется обратно.

Спустя долгое время я наконец зашевелился и спросил:

— Мой дворец ведь не бедствует. Почему же вы доедаете за мной только тесто?

Слуги озадаченно переглянулись и застыли с такими же глупыми лицами, как у меня мгновение назад. Они продолжали хмурить лбы и размышлять над моим вопросом даже тогда, когда мы покинули лавку и вышли на мостовую.

"Надо же, эти умники порой соображают ничуть не лучше дураков"

От этой мысли на душе стало радостно. Я весело спросил:

— Интересно, когда глава Секретариата согласится разделить со мной эту трапезу?

На этот раз они ответили без промедления.

— Вашему Высочеству нужно набраться терпения, — мягко произнес Сяфэн. — Рано или поздно господин Сюй уступит.

— Да никогда он этого не сделает! — фыркнул Дунцзы. — Только и умеет, что водить вас за нос.

Они заговорили одновременно, утверждая прямо противоположное, но я даже не подумал рассердиться. Сяфэн вечно приукрашивал действительность, а Дунцзы безжалостно возвращал меня на землю. И всё же оба они были сотворены из синего неба — чистые, прозрачные души, которые легко прочесть с первого взгляда. Я искренне любил их обоих.

— А когда ты относил сегодня пирожные, господин Сюй что-нибудь передал? — поинтересовался я.

— Раб не застал господина Сюя, — повинился Сяфэн. — Оставил узелок у привратника и ушел.

Настроение тут же упало.

Когда мне грустно, моя душа тоже норовит упорхнуть. В полной прострации я позволил усадить себя в экипаж. Очнулся я лишь тогда, когда Сяфэн потряс меня за плечо, зовя по имени. Карета уже въехала на территорию императорского дворца и остановилась перед Залом Усердного Правления, где отец обычно принимал доклады.

Отец как раз принимал министров. Заметив меня, он заметно расслабился, и морщины на его лбу разгладились. Он жестом указал мне на стул в углу и велел евнухам принести горячего чая и тарелку бобовых пирожных. Перед любимым лакомством я устоять не мог, а потому сразу же принялся уплетать сладкие кусочки один за другим.

В самый разгар моего пиршества в зал бесшумно вошел человек в белоснежном одеянии. То была белизна свежеевыпавшего снега — чистая, без единого узора или украшения, но этот простой наряд затмевал своей изысканностью самые роскошные парчовые одежды придворных. Облик вошедшего казался безупречным, дышащим неземной прохладой, словно распустившийся на ледяной вершине лотос. Казалось, даже воздух вокруг него наполнился едва уловимым благоуханием цветов.

Я так и застыл с полусъеденным пирожным в руке, приоткрыв рот и неотрывно глядя на застывшего перед тронем главу Секретариата, Сюй Цинцзэ. До моего слуха доносился его ровный, кристально чистый голос, зачитывающий доклад. Я замороженно следил за тем, как его тонкие, точно вырезанные из нефрита пальцы протягивают императору свиток, как он совершает изящный поклон и, развернувшись, направляется к выходу.

За всё это время он ни разу не взглянул в мою сторону. Но моя душа последовала за ним, покинув тело и устремившись вслед за летящим краем его белых одежд по бесконечным дворцовым переходам.

— И-эр? И-эр, ты слышишь меня?

Голос отца выдернул меня из забытья. Отец был человеком, сотворенным из туши, — плотным, глубоким, воплощающим в себе несокрушимую силу и власть. Его зов мгновенно вернул мой дух на место. Я растерянно повернулся к нему. Лицо императора было полно тревоги. Он

осторожно забрал зажатое в моих пальцах пирожное и мягко подтолкнул меня пальцем под подбородок. Зубы мои с легким стуком сомкнулись, и рот наконец закрылся.

— Ступай, — негромко произнес отец.

Я со всех ног бросился вон из зала. Мои тяжелые сапоги на толстой подошве гулко топали по каменным плитам дворцового двора. Я бежал без оглядки, постепенно сокращая расстояние до удаляющегося белого силуэта. Сложив ладони рупором у рта, я закричал во весь голос:

— Цинцзэ! Цинцзэ, подожди меня!

Дикий, неподобающий крик дурачка эхом разнесся меж высоких стен дворца. Патрулирующие гвардейцы удивленно оборачивались мне вслед, но белая фигура впереди даже не замедлила шаг. Раз он не останавливался, мне оставалось только бежать быстрее и кричать громче. Наконец он замер.

— Ваше Высочество, — Сюй Цинцзэ медленно развернулся ко мне. Его голос, полностью под стать имени, прозвучал обжигающе холодно. Во взгляде его темных глаз сквозила та же ледяная стужа. — Вы позволяете себе кричать во весь голос на территории императорского дворца. Разве это приличествует вашему статусу?

От этой суровости я невольно вздрогнул. Его холодный взор, точно острый ледяной клинок, вонзился мне прямо в сердце, пробуждая обиду.

Сюй Цинцзэ был единственным во всей столице, кто смел говорить со мной подобным тоном.

А ведь когда-то, много лет назад, он бережно смахивал упавшие сухие листья с моих плеч, заслонял меня собой, когда другие дети пытались надо мной издеваться, и заботливо вытирал мое перемазанное слезами лицо. И даже когда меня отчитывала матушка, он бесстрашно выходил вперед, принимая всю вину на себя.

После того как в пять лет я наконец заговорил, отец-император назначил мне сопровождающих для учебы. На деле же они были просто товарищами по играм. Несколько мальчишек моих лет проводили со мной дни напролет, и среди них был Сюй Цинцзэ.

Мой разум развивался медленно, слова давались с трудом, а когда я волновался, то начинал сильно заикаться. Четвертый и пятый братья — те еще сорванцы — без конца потешались надо мной и строили козни, и лишь Цинцзэ неизменно вставал на мою защиту.

Со временем я научился говорить связно. Сюй Цинцзэ часами терпеливо беседовал со мной, пытался обучить меня грамоте... но я оказался слишком непроходимым глупцом и до сих пор не умею читать.

Неужели из-за моей непроходимой тупости он бросил меня и теперь каждый день проводит подле моего старшего брата, наследного принца?

Наследный принц умен. Он превосходит умом всех в Поднебесной, именно поэтому отец сделал его преемником. Сюй Цинцзэ тоже наделен блестящим разумом. А умные люди, как известно, предпочитают общество себе подобных.

Мой пристальный, застывший взгляд заставил его недовольно нахмуриться.

— Ваше Высочество? — не выдержал он.

— Мои пирожные... они вкусные? — тихо спросил я.

— Сюй не пробовал их, — отчеканил Сюй Цинцзэ.

— Но мой слуга каждое утро отвозит их в твоё поместье.

— Я приказал слугам у ворот не принимать ваши подношения.

"Но Сяфэн уверял, что отдаёт их лично в руки привратнику..."

Я растерянно замер. Легкое дуновение ветра шевельнуло прядь его темных волос, заставив её упасть на точеную щеку. Я заворожено уставился на эту прядь и, повинаясь какому-то детскому порыву, потянулся к его лицу рукой.

Договорить или коснуться его я не успел. Раздался резкий хлопок. Руку обожгло острой болью — он наотмашь ударил меня по ладони, сбивая её вниз.

Сюй Цинцзэ поспешно отступил на несколько шагов назад. В его глазах читалось неприкрытое, жгучее отвращение.

Больше всего на свете я не выносил боли. Глаза мгновенно застлали горячие слезы. Но я понимал: раз он поднял на меня руку, я ни за что не должен показывать ему свою слабость и плакать.

Я принялся отчаянно моргать, прогоняя влагу, и, стараясь придать голосу грозный вид, выкрикнул:

— Я — сын самого Сына Неба! Как ты смеешь поднимать на меня руку?!

Он с легкостью разгадал мою напускную храбрость.

— Вашему Высочеству, как императорскому сыну, следовало бы лучше знать, что такое приличие и чувство собственного достоинства, — холодно бросил он.

Развернувшись, Сюй Цинцзэ взмахнул широкими рукавами и стремительно удалился.

Я медленно опустился на корточки прямо на холодные плиты. В этот миг я ощутил себя хрупкой фарфоровой вазой, которую Сюй Цинцзэ сперва поднял к самым небесам, а затем безжалостно швырнул на камни, разбивая вдребезги.

Оказывается, даже дуракам бывает по-настоящему больно.

<http://bllate.org/book/20619/2105672>